

обследованных пунктах нет названия пункта и области (а указан лишь год обследования и коллектив, собиравший материал). Карта V «Размещение населенных пунктов...» с указанием номеров пунктов не заменяет такого списка.

Несомненно, что первый выпуск ДАРЯ — важный этап в развитии русской диалектографии. Совершенно необходимо скорейшее завершение всего задания, что снимает обидное отставание русской диалектографии от диалектографии других стран, уже имеющих свои национальные атласы. Конечно, создание атласа нашей обширной территории значительно сложнее, но ведь задерживается не создание атласа, а его издание.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей С. В. О диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ) // ИАН СЛЯ. 1977. № 5.
2. Пшеничнова Н. Н. Русская диалектология: итоги и перспективы // ВЯ. 1985. № 6.
3. Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
4. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // ВЯ. 1975. № 2.
5. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

Баранникова Л. И.

Litvinov V.P., Nedjalkov V.P. Resultativkonstruktionen im Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988. 230 S.

Авторы рецензируемой книги не стремились формулировать теории. Свою задачу они видели в первую очередь в детальном, многоаспектном семантико-синтаксическом описании результативных конструкций современного немецкого языка с учетом контекста и ситуации общения. Предложенное в книге описание базируется не только на анализе обширного корпуса примеров, из которого для иллюстрации приводится лишь некоторая часть — 1241 пример, но и на хорошо продуманных экспериментах с информантами.

Результатив как семантическая категория понимается авторами широко. Это состояние лица или предмета, которое мыслится как возникшее вследствие предшествующего воздействия или действия/процесса. Разноструктурные синтаксические конструкции, способные выражать значение

результатива (см. ниже примеры 1а — 8а), называются результативными. Они противопоставляются конструкциям эвентивным (от англ. *event* в значении «событие»). Такое название в книге присвоено конструкциям, обозначающим либо воздействие на объект, приводящее его в соответствующее состояние, либо действие субъекта, приводящее его в определенное состояние (см. ниже примеры 1б — 8б). Эвентив и результатив, противостоящие друг другу, вполне оправданно трактуются не как противочлены морфологической категории, а как конститuenty категориального пространства (*kategoriale Dimension*). Подчеркивается, что в этом отношении оппозиция «эвентив — результатив» отличается от залоговой оппозиции «актив — пассив».

Уточняя границы предмета исследования, ав-

торы обращают внимание читателя на существенное отличие результатива от относительно близких по семантике языковых явлений — от высказываний стативной семантики и от высказываний с глаголами состояния. Под стативом авторы, отклоняясь от принятого в целом ряде грамматик немецкого языка трактовки данного термина, понимают не пассив состояния, а высказывания с предикативным прилагательным типа *Dieser Junge ist begabt* «Этот юноша одарен». Они подчеркивают, что в отличие от результатива, при котором смысловая связь с порождающим состоянием воздействием на объект или действием субъекта сохраняется, в стативных высказываниях такая связь отсутствует, в них сообщается лишь о состоянии лица или предмета. При этом глаголы состояния в высказываниях типа *Fritz sitzt* «Фриц сидит» относятся к сфере лексик, а не грамматики.

По чисто внешнему признаку результативные конструкции могут быть разделены на два формальных типа. В основе одного из них, считающегося в книге главным и названного «формальным результативом», лежит сочетание личной формы глагола *sein* (или его субститута) и партиципа II полнозначного глагола (примеры 1а — 6а). В основе же другого формального типа лежит сочетание личной формы глагола *haben* (или его субститута) с существительным в винительном падеже и с выполняющим при нем функцию предикатива партиципом II полнозначного глагола (примеры 7а, 8а). Инвентарь рассматриваемых в книге результативных конструкций и коррелирующих с ними эвентивных конструкций выглядит следующим образом:

1а. *Die Tür ist geöffnet* «Дверь открыта» — 16. *Er hat die Tür geöffnet* «Он открыл дверь».

2а. *Das Glas ist zerbrochen* «Стакан разбит» — 26. *Egon hat das Glas zerbrochen* «Эгон разбил стакан».

3а. *Er ist erholt* «Он отдохнувший» — 36. *Er hat sich erholt* «Он отдыхал».

4а. *Egon ist rasiert* «Эгон побрит» — 46. *Egon hat sich rasiert* «Эгон побрился».

5а. *Die Wäsche ist getrocknet* «Белье высушено» — 56. *Die Wäsche hat (lange) getrocknet* «Белье (долго) сохло».

6а. *Das Geräusch bleibt verstummt* «Шум остается утихим» — 66. *Das Geräusch ist (nach und nach) verstummt* «Шум (постепенно) затихал».

7а. *Egon hat die Schürze vorgebunden* «Эгон в переднике» — 76. *Egon hat sich die Schürze vorgebunden* «Эгон надел передник».

8а. *Er hält den Hund angeketet* «Он держит собаку привязанной» — 86. *Er hat den Hund angeketet* «Он посадил собаку на цепь».

Характеристика результативных конструкций начинается с разграничения их диатезных типов (гл. 2). Принадлежность результативных конструкций (на базе глагола *sein*) к тому или иному диатезному типу выявляется на основе корреляции партиципа II с определенным семантико-структурным классом глаголов — либо с транзитивным (примеры 1а, 2а), либо с трансформативным интранзитивным (пример 5а), либо с рефлексивным, не имеющим транзитивного соответствия (пример 3а).

Результатив в примерах 1а и 2а с точки зрения их диатезы квалифицируется как объектный, поскольку в подобных случаях речь идет о состоянии объекта вследствие оказанного на него воздействия. Это наиболее широко распространенный тип результатива, обычно трактуемый в работах по грамматике немецкого языка как пассив состояния. Его значительно более высокая частотность по сравнению с другими диатезными типами объясняется тем, что он коррелирует с наиболее многоэлементным семантико-структурным классом глаголов, иными словами, имеет самую широкую лексическую базу.

Результатив в примере 5а, в котором партицип II восходит к трансформативному интранзитивному глаголу, интерпретируется как субъектный, ибо в такого рода высказываниях называется состояние лица или предмета, возникающее вследствие осуществленного им самим действия. Его разновидностью является результатив (пример 3а), условно называемый рефлексивным. Еще одну его разновидность представляет результатив в примерах 7а и 8а, квалифицируемый в книге как посессивный, поскольку в подобных случаях авторы говорят о состоянии субъекта, возникающем как следствие какого-либо воздействия на принадлежащий ему предмет. Диатеза результативных конструкций, в которых партицип II может быть соотнесен либо с транзитивным, либо с трансформативным интранзитивным глаголом (пример 5а), характеризуется как неопределенная. Диатеза бессубъектных предложений типа *Es ist für alles gesorgt* «Обо всем подумано» названа безличной.

Семантические типы результатива выделяются с учетом лексической семантики глаголов, к которым восходит партицип II результативной конструкции (гл. 3). Констатируется, что помимо собственного результативного значения конструкции формального результатива могут иметь стативно-результативное значение с его вариантами — декаузативным и дуративным результативом. Обсуждаются также дополнительные семантические функции результатива.

Отдельная глава (4-я) посвящена детальному рассмотрению временных типов и временных форм результатива. В ней констатируется, что результативные конструкции (на базе глаголов *sein* и *haben*) засвидетельствованы во всех шести временных формах, образующих парадигму изменения немецких глаголов по временам. Каждой временной форме результативных конструкций дается соответствующее толкование. Рассматриваются, кроме того, их различные корреляции с временными формами эвентивных конструкций, а также критерии разграничения временных форм результатива и эвентива в случае их чисто внешнего совпадения. Следует отметить scrupulousность предлагаемых характеристик и проводимых сопоставлений.

Синтаксическая характеристика результативных конструкций (гл. 5), отличающаяся разнообразностью и полнотой, заключается в описании семантических и формальных типов включаемых в результативные конструкции членов предложения — обстоятельств и дополнений. Так, анализируется употребление обстоятельств места, вре-

мени (различных семантических типов), образа действия, со значением инструмента.

Обсуждаются также разновидности агентивного дополнения (локативное, каузативное, собственное агенс, условия употребления которых тщательно эксплицируются) и дополнения с семантикой адресата (аффицированного и заинтересованного).

В заключительной (6-й) главе описываются результативные конструкции, относимые ко вторичным в современном немецком языке. Здесь речь идет о конструкциях, которые трактуются как производные, т.е. о таких образованиях, которые возникли вследствие замены в одном случае глагола *sein*, а во втором — глагола *haben* другими глаголами. Пожалуй, можно согласиться с авторами книги, что используемое ими широкое понимание результата позволяет рас-

сматривать и такие конструкции вместе с собственными результативными.

В заключение нельзя не подчеркнуть, что рецензируемая книга, представляет собой результат кропотливого и объективного анализа весьма обширного языкового материала под нетривиальным углом зрения. Авторы практически ничего не постулируют. Они, напротив, на убедительных примерах показывают, в каких контекстуальных и ситуативных условиях в современном немецком языке используются конструкции, относимые ими к результативным. Книгу можно оценить как весьма надежный источник сведений о результативных конструкциях современного немецкого языка.

Абрамов Б.А.

Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков: Основа, 1990. 300 с.

Рецензируемая монография посвящена теме, в последнее время ставшей актуальной не только для общего языкознания и философской логики, но и для разработки систем искусственного интеллекта и экспертных систем. Эта тема обладает как минимум тремя «измерениями»: 1) именование и предмет именованного во внутреннем мире носителя языка, 2) функция именованного в рамках высказывания, 3) развитие и верификация общелингвистической теории, в особенности теории интерпретации речи. Естественно, что от второго «измерения» пролегает прямой путь к третьему.

В книге из множества возможных аспектов (некоторые из них осязаны многовековой традицией) выбран один из наиболее актуальных на сегодняшний день. В наши дни становится все более очевидным, что в теории языка нет смысла абстрагироваться от связей между языковыми сущностями и тем, как человек концептуализирует свои знания о языке. Эти очень тонкие связи, возможно (и это — одна из важных гипотез в современной лингвистике), проявляют саму сущность языка.

Автор рассматривает предложенную Ю.С. Степановым классификацию свойств имени через призму трех «парадигм» философии языка. Напомним, что по теории Ю.С. Степанова история гуманитарного знания в Европе распадается на некоторые периоды, или парадигмы, определяемые отношением (не всегда явным) исследователей к языку. Главных парадигм в этом смысле три: 1) «философия имени», в которой все основные проблемы познания рассматриваются через призму имени и «именования»; 2) сменяющая ее «философия предиката», связанная прежде всего со становлением английского эмпиризма, в которой отправной точкой является понятие «события», а в языке, соответственно, понятие предиката; и, наконец, 3) «философия эгоцентрических слов», или

индексальных выражений, в которой происходит релятивация логических и логико-языковых систем относительно говорящего (системы позднего Карнапа, различные новые логики — модальная, «логика действия» и т.п.) [1, 2].

Д.И. Руденко справедливо считает, что исследование соответствующих базовых проблем (имени, предиката, эгоцентрических слов) не заканчивается в рамках соответствующей парадигмы, а продолжается и в других парадигмах, но уже на иных основаниях, часто как бы в подчиненном (по отношению к главной категории) виде. Однако автор полагает, что имя остается базовой категорией при всех подходах к языку, при любой лингвофилософской проблематике. Как именно рассматривается категория имени в разных парадигмах (например, как понимается имя, если центральной проблемой оказывается не именование, а индексация — в парадигме «эгоцентрических слов») — это и составляет основной предмет исследования в данной книге.

Ключевым для понимания данного исследования является постулат о связи между семантикой «именности» и семантикой категории «количества». Это положение выражено автором в следующей гипотезе: «Имя в наибольшей мере, сравнительно с другими основными семантическими категориями естественного языка, ориентировано на выражение количественных значений» (с. 4). Автор имеет в виду не только конкретно-языковой, но и универсально-понятийный аспект количественности, как она реализуется в сфере имени. Имя характеризуется как «понятийная категория, находящая формальное выражение в языке, т.е. категория понятийно-языковая» (с. 11). Еще конкретнее формулируется исходная гипотеза на с. 23: «Семантика количества является таким параметром имени, который охватывает почти все его семантические типы, более того —